

Экзотизмы в белорусском и немецком языках

Супринович О.Е.

Белорусский государственный университет (г. Минск, Республика Беларусь), факультет

социокультурных коммуникаций, кафедра немецкого языка

1ksjuscha@tut.by

Аннотация

В статье даётся определение экзотизмов как отдельной категории слов иностранного происхождения. В белорусском и немецком языках экзотизмы классифицируются на основании двух параметров: социокультурного и лингвистического. В первом случае выделяются экзотизмы, обозначающие реалии европейской, американской и восточной культур. С учётом лингвистического параметра экзотизмы анализируются на предмет их семантических связей, функциональных и коннотативных характеристик, частотности употребления.

Экзотизмы относятся к словам иностранного происхождения и служат для обозначения предметов и понятий иноязычной среды. Отсутствие денотатов в культуре языка-рецептора обуславливает тот факт, что многие экзотизмы находятся на периферии лексики. В заимствующем языке экзотизмы – это, прежде всего, слова, символизирующие чужую культуру. Например, *гейша* – знак традиционной японской культуры, *раджас* обозначает княжеский титул в Индии, *лезгинка* вызывает стойкие ассоциации с народами Кавказа.

Однако, встречаются экзотизмы с долгой историей употребления, в силу чего они становятся общепонятными и воспринимаются как интернационализмы, *ср. йог, йога, кимоно, танго* и др.

В целом выделяются два типа экзотизмов:

- 1) **узкие** экзотизмы – названия, свойственные жизни одной страны, *ср. бел. бундэсвер – нем. Bundeswehr* ‘бундесвер (вооружённые силы ФРГ)’, бел. *лезгинка* – нем. *Lesginka* ‘лезгинка (кавказский танец)’ и др.;
- 2) **широкие** экзотизмы – названия реалий, свойственных культуре и быту целого региона, *ср. бел. паланкін – нем. Palankin* ‘паланкин (крытые носилки, служащие экипажем в некоторых странах)’ (Азия, Африка, Южная Америка), бел. *феллах* – нем. *Fellache* ‘феллах (в арабских странах: крестьянин-земледелец)’, бел. *сейм* – нем. *Sejm* ‘сейм (название законодательного собрания, парламента в некоторых государствах Восточной Европы)’ и др.

В белорусском и немецком языках экзотизмы классифицируются на основании двух параметров: 1) социокультурного (обусловлен социальными и культурными причинами) и 2) лингвистического (экзотизмы исследуются на предмет их семантики, частотности употребления, учитываются функциональные и коннотативные характеристики).

В частности, принимая во внимание социокультурный параметр, могут быть выделены следующие виды экзотизмов:

1. Экзотизмы, обозначающие реалии европейской культуры:

- польской, например, бел. *шляхта* – нем. *Schlachta* (< польск. *szlachta* < др.-в.-нем. *slahta*) [1, Т. 2, с. 655];
- итальянской, например, бел. *гандальер* – нем. *Gondoliere* (< ит. *gondoliere*) [1, Т. 1, с. 316];
- французской, например, бел. *гугеноты* – нем. *Hugenotte* (< франц. *huguenots*) [1, Т. 1, с. 407], бел. *карманьёла* – нем. *Carmagnole* (< франц. *carmagnole*) [1, Т. 1, с. 618];
- испанской, например, бел. *тарэадор* – нем. *Toreodor* (< исп. *toreador* < лат. *taurus* ‘бык’) [1, Т. 2, с. 459], бел. *хабанера* – нем. *Habanera* (< исп. *habanera*, от *Habana* ‘Гавана’) [1, Т. 2, с. 601] и др.;

- немецкой, например, бел. *гестапа* – нем. *Gestapo* (< сокращ. от нем. *Geheime Staatspolizei* ‘государственная тайная полиция’) [1, Т. 1, с. 351], бел. *фрэйлен* – нем. *Fräulein* ‘госпожа, фрейлейн’ (наименование незамужней женщины (обычно присоединяемое к фамилии или имени)) [1, Т. 2, с. 595];

- скандинавской, например, бел. *вікінг* – нем. *Wiking* (< др.-сканд. *vikingr*) [1, Т. 1, с. 290];

- русской, например, бел. *гусли* – нем. *Gusli* (< рус. *гусли*, производн. с суф. *slъ* от гл. **gōdēti*) [2, с. 177], бел. *цар* – нем. *Zar* (др.-рус., ст.-слав., с.-хорв., словен., чеш., польск.; из **cēsarъ*, восх. к гот. *kaisar* ‘император’ < лат. *Caesar*) [2, с. 1075] и др.

2. Экзотизмы, обозначающие реалии американской культуры:

- североамериканской, например, бел. *радэо* – нем. *Rodeo* (< исп. *rodeo*, от *rodear* ‘сгонять (в одно место)’) [1, Т. 2, с. 284], бел. *тамагаўк* – нем. *Tomahawk* (< англ. *tomahawk*, из инд. *tāmāhākan*) [1, Т. 2, с. 450];

- латиноамериканской, например, бел. *ранча* – нем. *Rancho* (< исп. *rancho*) [1, Т. 2, с. 289], бел. *румба* – нем. *Rumba* (< исп. *rumba*) [1, Т. 2, с. 298] и др.

3. Экзотизмы, обозначающие реалии восточной культуры:

- японской, например, бел. *гейша* – нем. *Geisha* (< яп. *gejsia*) [1, Т. 1, с. 332], бел. *самурай* – нем. *Samurai* (< яп. *samuraj*) [1, Т. 2, с. 346] и др.

- арабской, например, бел. *імам* – нем. *Imam* (< тур. *imam* < араб. *īmām* ‘тот, кто находится впереди’) [1, Т. 1, с. 516], бел. *халіф* – нем. *Kalif* (< араб. *chalīfa* ‘преемник’) [1, Т. 2, с. 603], бел. *шарыят* – нем. *Scharia* (< араб. *śarat*) [1, Т. 2, с. 651] и др.

- турецкой, например, бел. *хан* – нем. *Khan (Chan)* (< тюрк. *chan*) [1, Т. 2, с. 604], бел. *ятаган* – нем. *Jatagan* ‘ятаган (турецкий кинжал)’ (< тур. *jatagan*) [1, Т. 2, с. 735];

- татарской, например, бел. *кальм* – нем. *Kalym* (< тюрк. *kalyn, kalim*) [3, с. 326], бел. *нагайка* – нем. *Nagaika* (производн. от тюрк. назв. племени *poyai* в Крыму и на Кавказе) [2, с. 475];

С учётом лингвистического параметра, экзотизмы сопоставляются на предмет их семантических связей. В данной связи речь идёт о двух группах экзотизмов: 1) совпадающие по значению и 2) не совпадающие по значению.

Отметим, что исследование экзотизмов проводилось на материале белорусских и немецких лексических параллелей, под которыми мы понимаем «совпадающие в плане выражения и сходные / несходные в плане содержания лексемы двух и более синхронически сравниваемых или контактирующих языков» [4, с. 4].

В белорусском и немецком языках большинство экзотизмов являются эквивалентными словами, *ср.* бел. *бешмет* ‘у некоторых народов Кавказа и Средней Азии: верхняя распашная, обычно стёганая, одежда’ – нем. *Beschmet* ‘бешмет (предмет одежды кавказских и турецких народов, имеющий форму накидки)’.

Однако встречаются и такие экзотизмы, для которых характерны изменения в семантике. В частности, российская исследовательница В. В. Ванина акцентирует внимание на том факте, что «изменение структуры лексического значения экзотизмов приводит к возникновению новых прямых и переносных значений у экзотических номинаций» [5, с. 185].

Анализ лексического материала показывает, что в белорусском и немецком языках имеют место экзотизмы, различающиеся отдельными лексическими значениями (состоят в семантических отношениях включения или пересечения) или не совпадающие по функциональным характеристикам (стилистическим, темпоральным, локальным) или коннотации. Такие экзотизмы мы рассматриваем как частный случай *ложных друзей переводчика*.

Так, например, в семантических отношениях включения состоят экзотизмы бел. *кальм* и нем. *Kalym*. В белорусском языке слово *кальм* приобрело новое переносное значение, маркированное функционально-стилистической семой *разг.*, см.:

бел. *калым* 1. ‘у некоторых народов Востока: выкуп за невесту’, 2. ‘лёгкий дополнительный заработка (разг., перен.) – нем. *Kalym* ‘калым – выкуп за невесту (у киргизов)’.

Изменения в денотате свойственны также экзотизмам немецкого языка. В частности, немецкая лексема *Matador* употребляется в двух значениях, *ср.* 1. ‘матадор, тореадор’, 2. ‘выдающийся, знаменитый человек’. Для сравнения, в белорусском языке экзотизм *матадор* имеет только одно значение, *ср.* ‘главный участник боя быков, который наносит смертельный удар быку; тореадор’.

Помимо лексико-сигнификативных отличий между экзотизмами возможны коннотативные отличия, которые отражают возможность различного эмоционального и оценочного отношения к одному денотату в условиях разных национальных культур. Так, в частности, в семантической структуре нем. *Scheich* наряду с основным значением имеют место также другие дополнительные значения, маркированные коннотативными и функционально-стилистической семами, см.:

бел. *шэйх* 1. ‘в арабских странах: глава рода, старейшина общины’, 2. ‘у мусульман: представитель высшего мусульманского духовенства; богослов и правовед’ – нем. *Scheich* 1. ‘шайх’, 2. ‘глава племени, деревни (у арабов)’, 3. ‘арабский титул (для мужчин, занимающих определенное положение в обществе)’, 4. ‘неприятный человек, тип (груб., отриц.)’, 5. ‘парень, друг (девушки, женщины) (разг.)’.

Из примера следует, что в немецкой лингвокультурной традиции слово *Scheich* имеет отрицательную оценочность и может ассоциироваться с неприятным человеком. Кроме того в разговорной речи эта лексема используется в значении ‘парень, друг (девушки, женщины)’.

На наш взгляд, исследование экзотизмов имеет важное теоретическое и практическое значение, поскольку они отражают специфику определённой культуры, что особенно актуально в свете глобализации и межнационального сотрудничества. Не эквивалентные в семантическом отношении экзотизмы заслуживают особого внимания, так как будучи ложными друзьями переводчика, способны приводить к ошибкам при переводе или коммуникативным неудачам.

Библиографический список

1. Булыка, А. М. Слоўнік іншамоўных слоў: у 2 т. / А. М. Булыка. – Минск : Беларус. Энцыклапедыя, 1999. – 2 т.
2. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН, Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова ; отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2008. – 1175 с.
3. Крысин, Л. П. Толковый словарь иноязычных слов / Л. П. Крысин. – М. : Эксмо, 2007. – 944 с.
4. Дубчинский, В. В. Теоретическое и лексикографическое описание лексических параллелей : автореф. дис. ... д-ра филол. наук : 10.02.01 / В. В. Дубчинский ; Краснодар. ун-т. – Краснодар, 1995. – 36 с.
5. Ванина, В. В. Экзотизмы немецкого происхождения в русском языке XX в. (на материале словарей, художественных текстов и мемуаров): дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01/ В. В. Ванина; Новосибир. гос. ун-т. – Новосибирск, 2001. – 228 с.